

ПРОЛОГ

Расплата за место под солнцем

*К столетию начала
Первой мировой войны*

Первая мировая война началась для России не с выстрела Г. Принципа. Ее объявил германский посол в Российской империи Ф. фон Пурталес, пришедший к С.Д. Сазонову. Объявил и разрыдался. Посол был настолько спутан своей обязанностью, что оставил российскому министру в папке два варианта ноты: жесткий и более мягкий, а затем обнял министра и вышел вон. Через 27 лет другой немецкий посол, граф В. фон Шуленбург, признается наркому В.М. Молотову, что также не хотел войны, о которой ему надлежало уведомить Советский Союз. Совпадения. Случайные ли?

Теперь, спустя многие десятилетия, мы можем оценить искренность чувств обоих дипломатов. Зная перспективы развития отношений с Россией, видя ее каждый день, они, безусловно, понимали ее намного глубже, чем берлинские стратеги. И наверняка, они глубже воспринимали трагедию кровопролития между двумя соседними государствами. Но если чувства и подвели двух дипломатов, то интуиция их не обманула. Хотя в обоих случаях посланники лишь анонсировали объявление великих трагедий.

Подготовка к ним во всех сферах жизни наших противников велась уже длительное время, и отлаженный механизм войны

уже работал, опережая слова. В 7 часов вечера 1 августа, когда расстроенный Пурталес находился у Сазонова, немецкие войска уже вошли в Люксембург. Когда вручалась нота Молотову, немецкая авиация и артиллерия уже в течение нескольких часов бомбила советские города, а вермахт пересек государственную границу.

И в 1914, и в 1941 г. агрессор стремился завоевать свое место под солнцем.

Любые войны ведутся за исход, последствия, которые будут после них, а определяются причинами, которые возникли накануне конфликта. Между причинами и исходом — собственно война, крайний способ разрешения международных противоречий. При этом определяющими факторами войны являются не только причины — набор реальных фактов, явлений, анализ перспектив развития текущей ситуации. К причинам тесно примыкает совокупность интерпретаций — и настоящего, и будущего. А там, где есть толкование разными людьми, есть риск ошибки.

Представляя ход и итоги будущей войны, каждая из сторон рассчитывает на свое превосходство. Франция полагалась исключительно на «элан виталь» — массовый порыв воодушевленных войск, который сотрет память об «ампутации, контрибуции и оккупации» в 1871 г. Несколько поколений французов со школьной скамьи воспитывались с идеей вернуть Эльзас и Лотарингию, с чувством ненависти к своему мрачному соседу, который, поигрывая мускулами, не раз подвергал республику унижительным «военным опасностям».

Для Германии превосходство над противниками подкреплялось технологическим рывком и идеей единства немецкого народа, который может развиваться, только обеспечив страну стабильным импортом сырья из колоний. Если немецкая философия признана всем миром, а промышленность и тем более военный флот уже конкурируют с английской «кузницей мира» и «владычицей морей», кайзеровскому руководству казалось, что настало время для рывка к мировому господству.

Реалистичнее и изощреннее рассматривала обстановку Великобритания, которая стремилась избежать участи морской блокады и, продолжая политику «блестящей изоляции»,

исподволь влиять на европейские дела, не допуская усиления какой-либо державы.

Сложнее и противоречивее было обретение смысла и реализация своих национальных интересов Россией, где, как показано ниже, существовало не менее трех основных направлений внешнеполитической мысли.

В отличие от мирного времени, допускающего стратегии «победитель — победитель», окончание войны оперирует только двумя альтернативами: «победитель — проигравший» и «проигравший — проигравший». В Первой мировой войне победу одержала Антанта, Германия и ее союзники проиграли, а России судьба уготовила особую роль — «проигравший победитель». В то же время для всех европейских держав победа далась неимоверным напряжением сил, крахом не только физическим, но и нравственным. Длительная позиционная война с отдельными кровавыми прорывами, которые также не несли облегчения, новые виды оружия, крах империй и демобилизация общественных настроений на длительное время обесценили прежние этические идеалы и ценности, создали хаос на несколько лет вперед и заложили мину, которая детонирует через два десятилетия. Но этот «человеческий фактор» не идет в учет, когда «реаль-политик» подводит свой холодный баланс. В категориях интересов влияния, мощи и потенциалов людские жертвы и разрушения выглядят холодно, арифметично. Кто-то, воспользовавшись крахом соперника, увеличил свой потенциал. Другие, сменив политические режимы и даже способ государственного устройства, обрели опыт жестких, прагматичных оценок и опоры на свои силы. Третьи же, де-юре сохранив государственный суверенитет, де-факто стали сильно зависимыми в экономическом плане.

Германии потребовалось всего лишь 15 лет, чтобы при попустительстве Лиги Наций начать экономический демонтаж своего международного статуса. А затем, основываясь на лживых и преступных иллюзиях, привлечь для этой цели свои восстановленные вооруженные силы, СС и даже подростков из гитлерюгенда.

Россия, изойдя реками крови в ходе Первой мировой и Гражданской войн, спустя 20 лет после своего исключения из числа

победителей обрела такую силу, которую после краха династии Романовых мало кто мог себе представить. Вместе с тем были заново выстраданны концепции, воспроизводящие неизменные интересы и целеполагания, вектора приложения энергии и развития нашей страны.

Надо признать — и об этом будет сказано ниже, — что не всегда геополитические интересы России в должной мере осознавались и реализовывались отечественными дипломатами. Если российские мыслители конца XIX в. сосредотачивали свое внимание на Средней Азии, то для окружения Николая II главенствующей идеей было сохранение влияния на Балканы, а министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков видел Россию на Проливах, хотя и не учитывал мощного, исторически и геополитически обусловленного здесь противодействия Великобритании. И здесь англо-французским дипломатам удалось переиграть молодых российских дипломатов. Уже 13 марта 1914 г. английский посол Дж. Бьюкенен подтвердил, что «британское правительство соглашается на исполнение вековых притязаний России на Константинополь и Проливы на условиях, которые ему нетрудно будет принять»¹, а 8 марта 1915 г. французский посланник М. Палеолог, получив соответствующую телеграмму от Делькассе, заявил С.Д. Сазонову, что тот «может рассчитывать на искреннее желание французского правительства, чтобы константинопольский вопрос и вопрос о Проливах были решены сообразно с желанием России»². Однако британские дипломаты и их французские коллеги были настроены против «чрезмерно пророссийской» позиции Э. Грея. Так, английский посол в Париже Ф. Берти писал в дневнике: «...в случае ухода турок из Константинополя создается положение, совершенно отличное от того, при котором давались все эти обещания; что в правах и привилегиях, предоставляемых России, нельзя отказать Румынии, имеющей границу по Черному морю, или Болгарии. Правильное решение заключалось бы в следующем: Константинополь превра-

¹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. С. 147–148.

² Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. С. 169.

щается в вольный город, все форты на Дарданеллах и Босфоре разрушаются, к Дарданеллам и Босфору применяется под европейской гарантией режим Суэцкого канала...» — и далее: «Здесь <в Париже> все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвитин не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора»¹. И эти слова подтверждают современные исследователи: «Франция стала противником заключения соглашения по признанию за Россией прав на Константинополь и Проливы...»²

Преимущество стремления России обладать Проливами подтвердил в мае 1917 г. и министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Миллюков. Однако его преемник, 30-летний М.И. Терещенко, обратив внимание Бьюкенена на картину И.Е. Репина «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану», подчеркнул свое происхождение, но не державные задачи России на Проливах. И подобное явление — снижать внешнеполитические амбиции быстрее и значительнее, чем происходит реальное падение мощи страны, — увы, было характерно для динамики стратегической субъектности России³.

Спустя 22 года после крушения той империи, на XVIII съезде ВКП (б), глава Советского государства выступит со своей программной речью, в которой определит сложившееся положение и место в нем нашей страны. Прежде всего он подчеркнет, что уже идет «новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно пере-

¹ Цит. по: *Шацкило В.К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты и документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 280.

² *Гришина В.Ю.* Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период Первой мировой войны, август 1914 — декабрь 1916 г. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. С. 205.

³ См.: *Азеев А.И., Куроедов Б.В.* Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств (на примере России и Китая). М.: ИНЭС, 2008.

краивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима... экономический кризис... приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий... В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира»¹.

Перечень событий, которые втягивали мир в новый мировой конфликт, снова повторяет предысторию Первой мировой войны. Случайно ли, что снова полыхает Северная Африка (Абиссиния, Марокко), Балканы, Восточная Европа? Снова общественное мнение и шумиха в прессе, скрывающие реальные причины войны. Снова разрушение системы договоров, сумасбродное перекраивание государственных границ и втягивание России (СССР) в пожар войны. Снова наше отставание по размеру промышленного производства на душу населения, а значит — и в военно-экономической мощи... В любом случае «запаса прочности» Версальско-Вашингтонской системы хватило чуть более чем на 10 лет. Неизбежность новой мировой войны была «родовым пятном» этого договора девяти держав.

Тем не менее решения о начале, продолжении и конце войны принимаются сторонами и лицами, которые находятся под властью не только стереотипов, но и своей среды, информационной и человеческой, которая также может исказить реалии. Эта среда зачастую может препятствовать вертикальной связи между высшим и низовым уровнями управления, становится препятствием для объективного контроля решений «верхов» и их реализации «низами». Так, исключительную ценность для российского верховного командования, как можно судить из настоящей книги, имели стратегические представления офицеров Генерального штаба, равно как и альтернативные прогнозы будущей войны, рожденные французским и германским военным аппаратом — для Парижа и Берлина.

¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. XIV. М.: Писатель, 1997. С. 290, 294, 300.

То, что сама оценка обстановки всеми заинтересованными сторонами накануне, в ходе и после войны зачастую может быть недостоверной, на примере Первой мировой войны вскрыл русский военный мыслитель, создавший в эмиграции своеобразную «академию Генштаба» Н.Н. Головин. Например, весной 1916 г. командиры и солдаты воспринимали позиционные бои как вполне нормальную боевую ситуацию. Заметно улучшилось снабжение войск, армия готовилась наступать и успешно наступала на некоторых фронтах и участках. Далее складывается следующая схема: от низового командира вверх уходит вполне достоверная информация. Но когда такие сведения сводятся воедино в штабе армии или фронта, как правило, возникает искажающий эффект. Дело не в заговоре против вышестоящего командования, о котором не без оснований порой говорят исследователи¹. Причина здесь — желание высокого начальства перестраховаться, тем более в памяти живы воспоминания о гибели армии А.В. Самсонова, несогласованность действий, шапкозакидательство, «снарядный голод». В Петрограде на эту сводку накладывается столичное восприятие политической и околополитической публики, уничижительные стереотипы, переплетение клановых интересов и интриг. Положение на фронте рисуется этими «салонными стратегами» уже намного страшнее, чем в действительности. Кулуарная среда также хаотично возбуждена частыми перестановками в правительстве, а Государственная дума остается лояльной только союзникам России, но не ее верховному военно-политическому руководству. Вполне штатные события, препарированные прессой из этих кругов, резонируют на руководящие инстанции. Вирус искаженной картины «захватывает частоту» и подчиняет себе другие информационные сюжеты, влияет на процессы принятия или неприятия решений, исполнения или неисполнения пришедших сверху распоряжений. Вспомним сказанные в сердцах слова Николая II французскому послу Палеологу: «Эти петербургские миазмы чувствуются даже здесь, на расстоянии двадцати двух верст. И наихудшие

¹ См., например, *Мультатули П.В.* «Господь да благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Сатись, 2002.

запахи исходят не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишенным совести, патриотизма и веры?»¹

Тот же вирус провоцирует болезненные, неадекватные реакции столичной публики и их коалиций, которые различными способами подрывали авторитет императорской четы. Отметим, что сложные отношения между двумя императрицами, Марией Федоровной и Александрой Федоровной, понятны. Возможно даже, здесь стоит искать корни неприятия двором, а затем и народом последней российской императрицы. Но противоречия матери и невестки не могли служить основанием для обвинений последней в тайных переговорах с Германией. Как писал в дневнике упомянутый М. Палеолог, «основа ее <Александры Федоровны> натуры стала вполне русской. Прежде всего и несмотря на враждебную легенду, которая, как я вижу, возникает вокруг нее, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью»².

Из столицы отправляется ответный сигнал, явно неадекватный содержанию первоначального сообщения. Легко обозреть всего лишь несколько раундов такой переписки, когда буквально «песчинка обретает силу пули». На выходе же формируется синтетическая реальность, которая постепенно становится действительностью. Сходные метаморфозы происходят и сегодня накануне «цветных революций». Подробнее это описано в теории катастроф³. В предреволюционной России это усиливалось наличием официальной и вполне свободной в своих суждениях оппозиции, которая не стеснялась открытой клеветы на власть из опасений, что победа в войне произойдет без и даже против участия этих «либеральных» партий.

Объективное восприятие войны осложнялось известными транспортными проблемами, когда Москва была крупнейшим железнодорожным транспортным узлом, через который на фронт уходили войска, а военные лазареты, раненые и демобилизованные прибывали с фронта. Нельзя также сбрасы-

¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 221.

² Палеолог М. Указ. соч. С. 145.

³ Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990.

вать со счетов и антивоенную немецкую пропаганду, которая обретала весьма изощренные формы. Так, о публикациях одного такого автора руководитель контрразведки Петроградского военного округа полковник Б. В. Никитин записал следующее: «Внешним образом статьи эти... удовлетворяли всем условиям для напечатания: темы интересны и в высшей степени патриотичны, а форма изложения не оставляла желать лучшего. Однако после прочтения у вас остается какой-то неприятный осадок... вы лишены возможности обличить автора, ибо все его выводы одинаково патриотичны, как и все содержание. Но на его статью у вас самого вывод напрашивается совершенно иной, а в результате мысли, им затронутые, оказываются для вас отравлены»¹. Эта подрывная пропаганда легла на благодатную почву, ибо «в русском общественном мнении все более выкристаллизовываются два течения: одно — уносящееся к светлым горизонтам, к волшебным победам, к Константинополю... другое — останавливающееся перед непреодолимым препятствием германской скалы и возвращающееся к мрачным перспективам, достигая пессимизма, чувства бессилия и покорности Провидению. Что чрезвычайно любопытно, это — то, что оба течения часто сосуществуют или по крайней мере сменяются у одного и того же лица, как если бы они оба удовлетворяли двум наиболее заметным склонностям русской души: к мечте и разочарованию»². Неуравновешенность национального характера, его порой оторванная от реальной жизни мечтательность и неожиданный пессимизм — на этих чувствах играли пропагандисты той великой войны.

Все эти зафронтовые перипетии сознания также необходимо учитывать верховному главнокомандующему при принятии решений. И как показали события вековой давности, разведданные о своих войсках или противнике при всей своей важности не могут заменить знание воли своего народа. Государственные лидеры не всегда чувствуют ее надлежащим образом. Нередко лучше их это удается писателям и мыслителям. Когда в августе

¹ Никитин Б. В. Роковые годы. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 100.

² Палеолог М. Указ. соч. С. 141.

1914 г. и столичную, и провинциальную Россию захлестнула патриотическая волна, малоизвестный писатель М. М. Пришвин записал в дневнике: «Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет <...> если разобьют, то революция ужасающая... Последствием этой войны, быть может, явится какая-нибудь земная религия»¹. Нельзя не поражаться и глубине известной записки П. Н. Дурново от февраля 1914 г., пророчествам Иоанна Кронштадтского. И как показали дальнейшие события, энергии народа бывает достаточно, чтобы смешать, спутать или вовсе разрушить расчеты руководителей, стратегов и командиров.

«Черные лебеди» Первой мировой войны вызвали колоссальные изменения, ожидать которые вряд ли мог кто-либо из современников. «Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог», — признавался Людендорф². Так желаемое для некоторых ключевых игроков той войны сплелось с непредсказуемыми «черными лебедями».

Новое, не скрывавшее своего временного характера российское военно-политическое руководство пыталось утвердиться через очернение и клевету на своих предшественников, а общение с подчиненными приобрело либерально-попустительский стиль. Вирусный «приказ № 1», изданный 1 марта 1917 г., стал детонатором социального протеста в рядах вооруженных сил. Если все описанные негативные факторы сами по себе были слабы и не представляли серьезной угрозы, то, собранные воедино и канализованные в войска названным приказом, они взломали империю накануне победы.

Но раскрытый ящик Пандоры таил гораздо больше из того, о чем не мог и подумать Людендорф. Соучастие Германии в провоцировании внутренней смуты в России дало импульс попыткам ряда игроков воспользоваться историческим шан-

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. М.: Московский рабочий, 1991. С. 86.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2007. С. 188.

сом. В декабре 1917 г. подписывается тайное соглашение между Великобританией и Францией, отдавшее в сферу интересов Великобритании Кавказ и казачьи территории на Кубани и Дону, а в сферу интересов Франции — Бессарабию, Украину и Крым. США вскоре заявили о своих интересах на севере России и на Дальнем Востоке и отправили экспедиционные войска. Разваливающаяся империя быстро наполнялась активно действующим по своему усмотрению вооруженным контингентом: возвращающимися с фронта частями и тысячами разрозненных военнотружущих, красногвардейцами, пленными чехами, словаками, австрийцами, китайцами, латышами, анархистами и т.д. Через год революция смела империю, которой служил мечтавший о революции для России Э. Людендорф. Исторический бумеранг действует безукоризненно. В хаос вверглись все. Даже США, позже всех вступившие в войну, в апреле 1917-го, в 1920 г. с трудом справлялись с нормализацией внутреннего положения в стране.

Германия, внешне потерпевшая весьма скромные изменения в ходе поражения, внутри напоминала бурлящий котел. Акт капитуляции Германии, подписанный в комьюенском вагоне, был не только ее геополитической и экономической, но и экзистенциальной катастрофой. Ведь всего лишь за 60 лет германское национальное самосознание совершило невероятный прыжок вверх и оземь, плашмя. Когда в России состоялась коронация нового императора Николая Александровича, кайзер подвел первые итоги стремительного развития: «Германская империя превратилась в мировую империю». Означало это не только сдвиг самооощущения, но вполне реальную промышленную политику — «мировая политика как задача, мировая держава как цель, строительство военно-морского флота как инструмент». Прошло немногим более года, как новый российский император осваивался со своими обязанностями, а фон Бюлов в рейхстаге уже заявил: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо, где царит чистая теория, — эти времена миновали... мы требуем и для себя места под солнцем».

Однако стратегические цели империи, возникшей, по словам Макса Вебера, как следствие «мальчишеской выходки»,

выкристаллизовывались более трети века и определялись жаждой самореализации империи в форме мирового господства в экономике и политике как продолжении триумфа нации в области духа. В конфигурировании союзников для нового, имперского этапа своего подъема, у Германии был стратегический выбор. Прежде всего он предполагал определение линии в отношении России.

В 1890 г. эпоха Бисмарка закончилась. Страна, наливавшаяся экономической мощью, подстегиваемая кайзером и новым канцлером Л. фон Каприви, ощутила в себе готовность вырвать себе новые трофеи не только в Европе, но и на просторах Африки, Азии, Южной и даже Северной Америки. В 1900 г. Германия захватывает в формате 99-летней аренды полуостров Циндао и соучаствует в подавлении, вместе с Великобританией, Францией, Россией и Японией, «боксерского восстания». В 1900 г. Вильгельм посещает Иерусалим, налаживая тесные связи Германии с Османской империей.

Колониальный азарт всячески пропагандировался, опирался на сеть общественных организаций и прежде всего — на многочисленный Всегерманский союз, включивший в себя первоклассных промышленников и ученых, раскинувший сеть по всей стране и сыгравший огромную роль в теоретическом обосновании необходимости расширения жизненного пространства и раздувании националистической эйфории. Ее, эту эйфорию, заряжают памятью об Аттиле, гуннах и всерьез, устами кайзера, воинственно заклинаят: «Вы должны сделать так, чтобы слово «Германия» запомнили в Китае на тысячу лет вперед». Обращаясь к Китаю, кайзер, очевидно, имел в виду более широкую аудиторию.

Россия практически весь XIX в. благоволила Германии. Несмотря на это и теплые строки многочисленных посланий, у «дяди Вилли» были планы в отношении «кузена Никки». Конфигурация противников оформилась задолго до сараевского покушения — и предшественниками тех, кто отдал приказы о всеобщей мобилизации. Начал плести паутину антироссийского союза Германии с Австро-Венгрией еще Бисмарк, в 1879 г. Спустя три года в него вошла Италия. Истоки русско-французского союза восходят к началу 1890-х гг.

К началу XX в. мир был уже поделен на колонии между ведущими метрополиями. Но вкус к экспансии, вскормленный на чужой крови и легких трофеях, предопределял дальнейшую неумолимую логику действий — борьба за передел колониальных сфер влияния. В Китае Германия наткнулась на интересы Великобритании, Франции, Японии, России. На Ближнем Востоке — Великобритании и Франции, в Африке — Франции, Португалии, Великобритании. В Латинской Америке — Испании и Португалии. На Среднем Востоке — Англии и России. Сближение со Стамбулом вело к германскому контролю над Проливами, что было неприемлемо ни для России, ни для Великобритании. Строительство немцами железной дороги задевало интересы англичан в Персидском заливе и грозило подрывом влияния в Иране и Индии.

Подготовка военных планов и боевые действия Первой мировой войны разворачивались вокруг двух осей, определивших интересы и мотивы, военную и экономическую стратегию и тактику сторон.

Первая ось — доступ к рынкам сбыта и источникам поставок минеральных ресурсов для стремительно накапливавшихся экономической и технологической мощью ведущих стран мира. Как следствие, повышались внешнеполитические амбиции их руководящих кругов. Люди и территории — особый вид ресурсов, хотя в начале XX в. акцент делался в основном на территориях с ресурсами, население рассматривалось только как источник мобилизации. Россия своему военно-политическому руководству представлялась страной с неисчерпаемыми людскими ресурсами (вспомним слова из царского рескрипта от 27 июня 1915 г. о созыве Государственного совета и Государственной думы: «С твердой верой в неиссякаемые силы России я ожидаю от правительственных и общественных учреждений, от русской промышленности и от всех верных сынов родины, без различия взглядов и положений, сплоченной, дружной работы для нужд нашей доблестной армии. На этой, единой отныне, всенародной задаче должны быть сосредоточены все помыслы объединенной и неодолимой в своем единстве России»). Миф о неисчерпаемости людских ресурсов России отрицательно сказывался при планировании военных операций.

Лишь немногие эксперты реалистично оценивали положение с кадрами. А они не были такими бездонными, как было принято думать тогда.

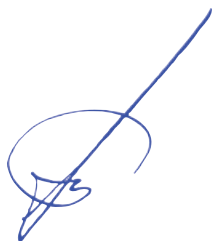
Вторая ось — борьба за пути доступа к этим ресурсам, за транспортные магистрали на суше и на море. В некотором смысле контроль над транспортными артериями нередко являлся самоцелью (вспомним КВЖД и железную дорогу Берлин — Багдад, канал кайзера Вильгельма, поперечные дороги между Восточным и Западным побережьем Африки, Босфор и Дарданеллы).

Черноморские проливы — особый сюжет и мировых войн, и евразийской геополитики. Установление контроля над ними было важнейшей геополитической задачей Российской империи после Крымской войны. Но свои интересы были здесь и у Парижа, увязавшего свою поддержку притязаний России на Проливы с возвращением Франции Страсбурга и Лотарингии, и у Лондона, стремившегося не выпустить Россию из Черного моря на просторы Средиземноморья. В зоне своих интересов видел Проливы и Берлин, готовый вытеснить отсюда не только Россию, но и Англию с Францией. Не случайно «водворение Германии на Босфоре и Дарданеллах» Сазонов, которому вручил ноту Пурталес, считал «смертным приговором России». До 70% российского экспорта хлеба и треть всего экспорта шло именно через эту артерию. Прагматично эту тему обозначал фон Бюлов, будущий канцлер Германии: «В будущей войне мы должны оттеснить Россию от Понта Евксинского и Балтийского моря... которые дали ей положение великой державы. Мы должны на 30 лет, как минимум, уничтожить ее экономические позиции, разбомбить ее побережья». Разбомбить и уничтожить прибрежную российскую инфраструктуру не удалось, и был взят курс на блокирование российского прохода через Проливы.

* * *

Война, подогреваемая геополитическими и экономическими амбициями, была неотвратима. Но почти никто не предполагал, что мировой пожар закончится тяжелейшими последствиями для всех, даже для его формальных победителей. Причина тому — не только мощный военно-экономический

потенциал двух противостоящих друг другу блоков. Они вошли в действие, предопределив переплетения военных союзов и результаты боев, когда сыграли свою роль другие, информационные асимметрии. Эти сознательные и неконтролируемые искажения были общим свойством как Первой мировой, так и любой другой войны. При ее анализе, как видим, необходимо учитывать не только полноту и достоверность информационных потоков, на основе которых принимались решения, но и рамки восприятия, предпочтения, стратегическую и мировоззренческую картину мира у лиц, принимающих решение, а также их зависимость от явлений, которые представлялись им непреложными императивами выбора. Так, для российского руководства накануне войны ключевую роль играли два обстоятельства: понимание державных своих интересов и внешняя зависимость (дипломатическая, военно-техническая, династическая, религиозная). Оба они предопределили вступление нашей страны в войну. Уроки ее еще извлечены не все.

*Агеев Александр Иванович,
академик РАН, профессор,
доктор экономических наук,
генеральный директор
Института экономических
стратегий РАН*